

С.И. Дубинин¹

Самарский государственный университет

**ЦЕНТРАЛЬНЫЕ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ
ВАРИАНТЫ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
XV-XVI ВВ.: ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

S. Dubinin

Staatliche Universität Samara

**ZENTRALE UND PERIPHERE TERRITORIALVARIANTEN
DER DEUTSCHEN SCHRIFTSPRACHE DES XI.-XVI. JHT.S :
PROBLEM DER LEXIKOGRAPHISCHEN TRADITION**

Im Aufsatz werden aktuelle Aspekte der regionalen Lexikographie des XVI. Jht.s im Zusammenhang mit der Herausbildung der gemeindeutschen lexikalischen Norm betrachtet.

Современная концепция истории немецкого литературного языка основывается на полигенетической (плюрицентрической) модели становления общенационального стандарта, имевшего в качестве «базы» территориальные варианты письменно-литературного языка (ТВЛЯ) позднего средневековья. Преобладающей является модель взаимодействия (альянса) двух ведущих ТВЛЯ – *восточно-средненемецкого и юго-восточного* (Gemeines Deutsch) при периферийной роли юго-западного, западно-средненемецкого и нижненемецкого вариантов и их вытеснения (поглощения) с конца XVI века. Однако она нуждается в разработке дифференциальных признаков (изоглосс) отдельных ТВЛЯ. При этом наименее исследован аспект лексических особенностей узусов ТВЛЯ, которые получали отражение в ведущих типах письменных памятников и лексикогра-

¹ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на IV съезде Российского союза германистов (23-25.11.2006 г., Санкт-Петербург).

фических источниках, возникавших в отдельных ареалах формирования и функционирования соответствующих идиомов.

Своеобразную позицию в конкурентной системе ТВЛЯ XV-XVI вв. занимал *юго-западный вариант*, роль которого в оформлении структурных признаков «предстандарта» традиционно оценивается как пассивная. Между тем обширный ареал его распространения (Эльзас, Швейцария, Баден, Вюртемберг, часть Передней Австрии) выступал как зона активной «конвергентной рецепции (или коррекции)» общенемецкого «предстандарта», без чего не было бы возможно его упрочение в общенациональном масштабе [5. С. 20].

Именно юго-запад как один из наиболее высокоразвитых лингво-культурных регионов позднесредневековой Германии (литературная и гуманистическая традиции, городская культура, книгопечатание, образование и т.д.) являлся в XVI веке эпицентром немецкой лексикографии. Ее статистика насчитывает здесь 35 источников и отмечена возникновением первых переводных словарей общенемецкого значения: латинско-немецкие (составители **П.Дазиподий** в Страсбурге и **И.Фриз** в Цюрихе) и немецко-латинский (составитель **Й.Малер** в Цюрихе), а также лексикографические сочинения (**И.Кольрос**, **К.Геснер** и др.) [3. S. 12-19]. Стимулом для их издания стала деятельность преподавателей-гуманистов и протестантских теологов, а также печатников по реформе образования и переориентации с вульгарной средневековой латыни на классические образцы, появление с 1520-х гг. школьной практики обратного перевода.

Зарождение немецкой лексикографии как индикатора развития литературной идиомы и ее функциональной сферы не явилось прямым отражением унификационных и централизационных процессов. Отражение лексического узуса позднесредневекового ТВЛЯ имело двоякий характер: репрезентативная текстовая база и лексикография.

Впервые вопрос о репрезентации лексического узуса письменного-литературного языка в немецких словарях XVI века был поставлен **А.Широкауэром**. По его мнению, первые словари не достаточно адекватно отражали узус формировавшегося «предстандарта»,

т. е. устойчивое словоупотребление в актуально наиболее репрезентативных сферах письменности (деловая письменность, религиозная, художественная литература). Это было обусловлено их прагматикой как учебных лексиконов для овладения «образцовой» латынью (тексты классических авторов, словники к ним), ориентированных на дидактико-тематический минимум [1. S. 15].

Ранняя лексикография была детерминирована «познанием латыни» согласно гуманистическому принципу „ad fontes“ и лишь затем попыткой отражения лексического свода родного языка. У авторов отсутствовала рецепция немецких текстовых первоисточников, отражавших письменно-литературный узус. Протословари воспроизводили методом трансформации макроструктуру наиболее авторитетного у современников латинско-французского словаря парижского гуманиста **Р. Стефануса** и являлись взаимными переработками, компиляциями латинских вокабуляров, глоссариев, лексиконов.

При оценке рвнв. лексического узуса следует адекватно определить ведущие сферы письменности / типы текстов, каковыми для периода конца XIV – начала XVII вв. являлись: *rechts – und wirtschaftsgeschichtliche Texte* (абсолютное лидерство в общенемецком масштабе), *kirchlich-theologische, literarische und unterhaltende Formen*, а также словари и вокабуляры. В юго-западном ареале на второе место выдвигались жанры хроник и художественной литературы, несколько опережая религиозно-теологические тексты. Говоря о роли ранних словарей, исследователи традиционно сдержанны и скептичны, отмечая приверженность их составителей традициям словарей иностранных слов (латыни), вторичность, компилятивность, противоречивость метаязыковых оценок их авторов: «Das Gebuchte ist unvollständig und in seiner Zusammensetzung zufällig, weil es nicht aus dem Bemühen heraus gekommen wurde, die Sprachwirklichkeit planvoll zu erfassen, sondern abhängig von dem lateinischen Wortbestand eines lateinisch-deutsches Wörterbuchs». Как тип текста разные авторы считают их: *didaktisch-anweisend, dokumentierend* [2. S. 49].

Лексикографию юго-запада Германии XVI века можно разделить на два направления: 1) более ранняя страсбургская традиция (словари П. Дазиподия в изданиях печатника В. Рихеля и их последователи), 2) новаторская цюрихская традиция (словари «группы печатника Фрошауэра» И. Фриза и Й. Малера). Она формировалась в русле общеевропейской гуманистической тенденции, характеризующейся появлением синкретических словарей энциклопедического (основа словника – понятийная) и языкового типов (вокабулярий построен по гнездовому и/или алфавитному принципам), а также под влиянием первых популярных тезаурусов, словарей синонимов и иноязычных слов [3. S. 18].

Страсбургская традиция

Швейцарский протестантский священник, преподаватель и гуманист **П. Дазиподий** (ок. 1430–1559) создал свой учебный словарь *Dictionarium latinogermanicum* (1535 г.) в Страсбурге. Он постоянно дорабатывал его в переизданиях **В. Рихеля** (ум. в 1555 г.). Малоформатный (Quart, чаще Oktav) недорогой словарь, вышедший большим для своего времени тиражом (3000 экз.), имел с 1536 г. немецко-латинскую часть, которая, однако, не полностью совпадала с латинско-немецкой. Концепция Дазиподиуса-лексикографа базировалась на идеях школьного реформатора страсбуржца **И. Штурма** (1507–1583) и испанского гуманиста **Вивеса** по замене старых учебных *Vocabularium rerum* с «плохой латынью» на двуязычные словари².

Основными источниками базового (латинского) словника у Дазиподия послужили одноязычный лексикон классической латыни **А. Калепинуса** (Италия, 1500-е гг.), алфавитные латинско-французские словари упомянутого **Р. Стефануса** и вокабулярии (около 10) рубежа XVI века. Словарная статья в немецко-латинской части строилась по гнездовому (корневому) принципу с элементами ал-

² Словник Дазиподия можно оценивать адекватно лишь с учетом его рецепции (*Überlieferungsgeschichte*) и всех 14 прижизненных переизданий.

фавитного расположения и латинско-греческих этимологий. Примечательно, что немецкие слова, в отличие от латинских, не имели грамматических показателей, что свидетельствует о вторичности немецкой части словника (ориентация на латинские классы учеников). Дазиподий ничего не говорит в предисловии о роли родного языка, что также характеризует его в первую очередь как ученого-латиниста. Спорна, например, его глосса: „Germania – d.i. das gantz Teutschland, so weit die Teutsch Sprach (*Pl.?*) gehet (*Eiheitspl.?*)“.

Уже первые исследователи Дазиподия отмечали явно региональный (даже диалектный) характер словаря. Однако А. Широкауэр однозначно оценил «лексикографа-новичка» и его соавтора печатника В. Рихеля как ориентированных, хотя и недостаточно уверенно, на надрегиональный узус. Это проявилось в сокращении регионализмов уже в переизданиях 1536-1556 гг. и их нейтрализации в синонимических рядах [1. S. 100]. А. Широкауэр констатировал исчезновение в переизданиях с 1550-х гг. диалектных (алеманских) лексем (например, Frieß «землекоп») и характерное последнее место регионализма в словарной статье в типичной у Дазиподия триаде, например, «дрожи»: hebel (общеверхненемецкое) / sauerteyg (восточно-средненемецкое) / deyssem (эльзасское).

Детальные исследования словника П. Дазиподия подтвердили этот тезис, обнаружив бессистемность словарного отбора (в частности синонимов) в направлении «общеверхненемецкого» узуса, и реально оценили «вмешательство» В. Рихеля как ограниченное фонетико-морфологическим уровнем. На фоне 350 неологизмов (*Übersetzungshilfe!*) Дазиподия зафиксировано не более 20-30 алемански маркированных лексем, которые являлись в основном коллоквиализмами и малочастотными бытовыми реалиями типа: Wahle “скалка“, Gesöd “взвар“, Latermann “болтун“, Fürzler “подкаблучник“. Кроме того, отмечена узкая текстовая база словаря: Дазиподий вряд ли использовал кроме библии Лютера современную ему эльзасскую религиозную литературу. Сопоставительные исследования показали, что немецкий словник Дазиподия надрегионален и достаточно далек от актуального лексического узуса юго-запада,

как он, в частности, представлен у популярнейшего базельского писателя-сатирика конца XV века **С. Бранта**³

Таким образом, страсбургская лексикографическая традиция, вершиной которой стал словарь Дазиподия – самый популярный учебный словарь XVI века (до конца XVI века еще 13 переизданий в надрегиональной по характеру сбыта продукции типографии Рихелей, а также множество т.н. Raubdrucke), изначально не стремилась к адекватному отображению лексического узуса юго-западного ТВЛЯ в его источниковой основе, отражая усиливавшуюся в Эльзасе ориентацию на общенемецкий «предстандарт».

Цюрихская традиция

Данное направление берет свое начало с 1540-х гг. и публикации в Швейцарии, в Цюрихе в типографии **К. Фрошауэра** (ок. 1490–1564) большого латинско-немецкого словаря под редакцией крупного швейцарского гуманиста и протестантского просветителя **И. Фриза** (1505–1565) и его соавтора **П. Колина** (ум. в 1542 г.) (*Dictionarium latinogermanicum*. 1541 г.). В 1548 г. И. Фриз выпустил латинско-франко-немецкий словарики, а в 1556 г. переработанное издание большого словаря (т.н. «Большой Фриз») и краткий латинско-немецкий учебный словарики (*Dictionariolum*) с немецко-латинской частью (т.н. «Малый Фриз»), являвшийся конкурентом учебному словарю Дазиподия. До конца 16 века в Цюрихе фолиант 1556 г. был переиздан дважды, «Малый Фриз» – четырежды. Имелось и расширенное переиздание трехязычного словарика.

Словник словарей Фриза, построенных в основном по алфавитному принципу, изучен мало. Его основными источниками послужили поздние издания Р. Стефануса, словари Дазиподия, научные лексиконы, в частности под редакцией известного энциклопедиста и друга Фриза **К. Геснера** (1516–1565). Вероятно и влияние вокабуляра цюрихского перевода Библии (1530-е гг., т.н. «цвинглианская

³ Интересно, что в университетских библиотеках ФРГ репринт словаря Дазиподия (1970 г.) стоит в рубрикации „Wörterbücher der historischen Sprachstadien des Deutschen“.

библия»), в котором Фриз принял участие. В отличие от Дазиподия Фриз больше опирался на французскую часть словарей Стефануса (перевод эквивалентов) и исходил из иной концепции презентации родного языка в словаре. Издание 1541 г. имело расширение вокабуляра словаря Стефануса примерно на 20%.

В предисловиях И.Фриз превозносит достоинство и словарное богатство немецкого языка, выступая как “*Sprachkritiker und Sprachpfleger*“, ориентируясь на «общенемецкий язык». Интересно, что во введении к немецко-латинской части *Dictionariolum*, созданной вместе с анонимным соавтором, он отмечает фонетические отличия юго-западного ареала (монофтонги): “...was auf ein deutliches Bewußtsein der Sonderstellung der Schweiz in der deutschen Sprachsituation um 1550 hinweist“. Тем не менее, словари Фриза ближе к традиции *Fremdwörterbuch*: латинские слова имеют грамматические показатели, а цитации – сноски на авторов (их в «Большом Фризе» около 30).

Переиздания «Большого» и «Малого Фриза» отличала тенденция к устранению региональной окраски (под влиянием практики Фрошауэра, ориентированной на широкий рынок), однако без видимой системности: в частности, элиминируются некоторые регионализмы (*gesin-gewesen, großaetty-großvatter, empfilch-gefilch*). Лишь словарь 1548 г., наименьший по объему и ориентированный на местного читателя, наиболее регионально окрашен (сохранение архаичных монофтонгов свн. /i:/ /u:/ /ü:/, синкопы и др.), базируясь на «принципе полноты».

Цюрихская традиция изначально основывалась на инициативах и лингвистических идеях К.Геснера (см. его трактат «Митридат. О различиях языков». Цюрих. 1555 г.). Как показали исследования, не выходя еще за рамки „*Äquivalenzwörterbücher*“, цюрихские словари «группы Фрошауэра» стимулировали увлечение собирательством (в частности, регионализмов) и составление тезаурусов [3. S. 29]. Геснер рассматривал лексикографию как «средство защиты родного языка от упадка», различая диалектную и «высшую» формы языка, к которой он относил „*Sächsisch*“ (т.е. восточно-средне-немецкий ТВЛЯ).

Наибольший интерес представляет пятое издание из «группы Фрошауэра» – полностью алфавитный немецко-латинский словарь **Й. Малера** (1529-1599) “Die Teütsch spraach” (Цюрих, 1561 г.), являющийся первым наиболее полным словарем на немецкой основе. При его оценке мнения исследователей расходятся. Если Я.Гримм в предисловии к своему «Немецкому словарю» (1852 г.) отмечал «истинно немецкий» характер его словника, то другие оценивали словарь Малера лишь как механическую переработку (Umkehrung) «Большого Фриза», выполненную его учеником, в дальнейшем священником в провинциальном Винтертуре [5. S. 24]. Интересно, что сам Малер в своем дневнике ничего не пишет об этой акции.

Основательно реципированный «Большой Фриз» послужил основным источником словника Малера, который использовал и другие словари Фриза и Дазиподия, естественнонаучные лексиконы Геснера, словник библии Лютера, современные собрания пословиц (С. Франка, И. Агриколы), т.е. приближался к „Quellenrezeption“. Однако словарь Малера не был „vollständige und gezielte Inventarisierung des Wortschatzes des 16. Jahrhunderts“ [3. S. 89], хотя и остался в истории как самый полный словарь до начала XVII в., и его факсимиле 1970 г. стоит рядом со словарем братьев Гримм на полках университетских библиотек в рубрикаторе „W.b. der deutschen Sprache“.

Словарь Малера не являлся просто версификацией «большого Фриза», отличаясь противоречием между декларацией лексикографических принципов «полноты» и реальностью инвентарного состава⁴. Малер не отказывается от старого принципа семантической интерпретации немецких лексем через латынь и лишь местами обнаруживает селекцию немецкой лексики, но делая первым среди лексикографов шаг к „Quellenarbeit“. Словарь имеет черты словника неологизмов и архаизмов и спорадическое отражение письменного зууса.

⁴ В названии словаря автор указывает на тезаурусный тип: „Alle woeter, namen unt arten zuo reden in hochteütscher spraach“

Словарь Малера не был предназначен лишь для узких целей латинской школы. В предисловии, автором которого являлся К. Геснер, отмечается, что он ориентирован и на европейцев, изучающих немецкий язык. Тем не менее, „Teütsch spraaich“ не был переиздан, в отличие от остальных словарей «группы Фрошауэра». Некоторые исследователи полагают, что это объясняется узкотерриториальным характером словника у Малера, и ограничиваются общими указаниями на наличие юго-западных лексико-грамматических изоглосс в словаре [1. S. 87].

Для определения того, в какой мере словарь Й. Малера отражал лексический узус юго-западного ТВЛЯ, было проведено его сравнение с современным словником швейцаризмов под редакцией Х. Фенске (ок. 1200 ед.). Обратное сопоставление (Фенске–Малер) позволило: 1) выяснить степень устойчивости элементов регионального лексического узуса крайнего юго-запада XVI века в швейцарском национальном варианте немецкого литературного языка и определить их стратификацию; 2) косвенно судить об адекватности его отражения в региональной лексикографии [4. S. 260]⁵

Анализ обнаружил следующее лексическое соотношение: а) полностью тождественные в плане содержания и выражения лексемы; б) лексемы вышеуказанного типа, но имеющие фонематические отличия у Малера (в основном это вокалические явления); в) тождественные по значению лексемы, но имеющие структурные различия (фономорфологические, словообразовательные, отражение тождественного корнеслова в разных частеречных формах: глагол/существительное, прилагательное/глагол и др.); г) тождественные в плане выражения лексемы, но имеющие различия в семантике (несовпадение объемов значения, семантических структур). Количественное соотношение можно представить в виде таблицы.

⁵ Полнота анализа ограничена спецификой словаря Малера, который не всегда фиксирует грамматические показатели слов, не последователен в отражении семантических структур и фразологических сочетаний.

Таблица

Словарные соответствия Х. Фенске – Й. Малер

Общий объем	Группа			
	а	б	в	г
339 ед.	149 ед.	37 ед.	85 ед.	68 ед.
28,2 %	12,4 %	3,2 %	7 %	5,6 %

Выявленный объем соответствий (это в своей основе диалектная алеманская лексика) следует признать значительным, если учесть, что определенная часть современных швейцаризмов имеет иноязычное происхождение, является позднейшими словообразовательными и семантическими новообразованиями на базе общенемецких лексем. Таким образом, словарь Й. Малера достаточно адекватно отражал именно базовые признаки узуса юго-западного ТВЛЯ XVI века.

Развитие страсбургской и цюрихской традиций до конца XVI века свидетельствовало об ослаблении швейцарской лексикографии. Напротив, в Страсбурге, на который ориентировались основные издательские центры юго-запада (Базель, Аугсбург), после учреждения академии в 1570-е гг. усиливаются выпуск латинизированных учебных лексиконов и печатное дело. В 1579 г. в Страсбурге вышел популярный тематический лексикон Т. Голиуса “Onomastikon latinogermanicus“, который, как и Дазиподий, был мало ориентирован на родной язык. В 1586 г. наследники Рихеля опубликовали фолиант латинско-греческо-немецкого „Lexikon Trilingue“ (составлен учениками И. Штурма) на основе «Большого Фриза» с немецко-латинским словником. Эти издания обнаруживали четкую ориентацию на «общенемецкий предстандарт».

Ранние немецкие словари объективно не могли полно отразить и не стремились нормализовать (или кодифицировать) актуальный узус, являясь лишь индикаторами словоупотреблений и обнаруживая в основном черты переводных лексиконов пассивного типа.

Подводя итоги, отметим, что оценка лексического узуса ТВЛЯ юго-запада возможна лишь в сопоставительно-источниковедческом плане, т.е. с привлечением как словарей (в первую очередь

Малера), так и глоссариев к наиболее репрезентативным типам письменности региона (по типу корпуса текстов), которые для рассматриваемого региона представлены лишь фрагментарно (например, опубликованы словники крупных литераторов юго-запада XVI века Т. Мурнера, И. Фишарта и др.).

С другой стороны, продуктивной является опора на данные исторической лексикографии, отмечающей т.н. лексические «излучения» юго-западного ареала в общенемецкую зону в рвн. период (см. рисунок) [5. S. 16], сравнение инвентаря которых со словником Й.Малера позволило бы уточнить вклад юго-запада в формирование общелитературного языка.

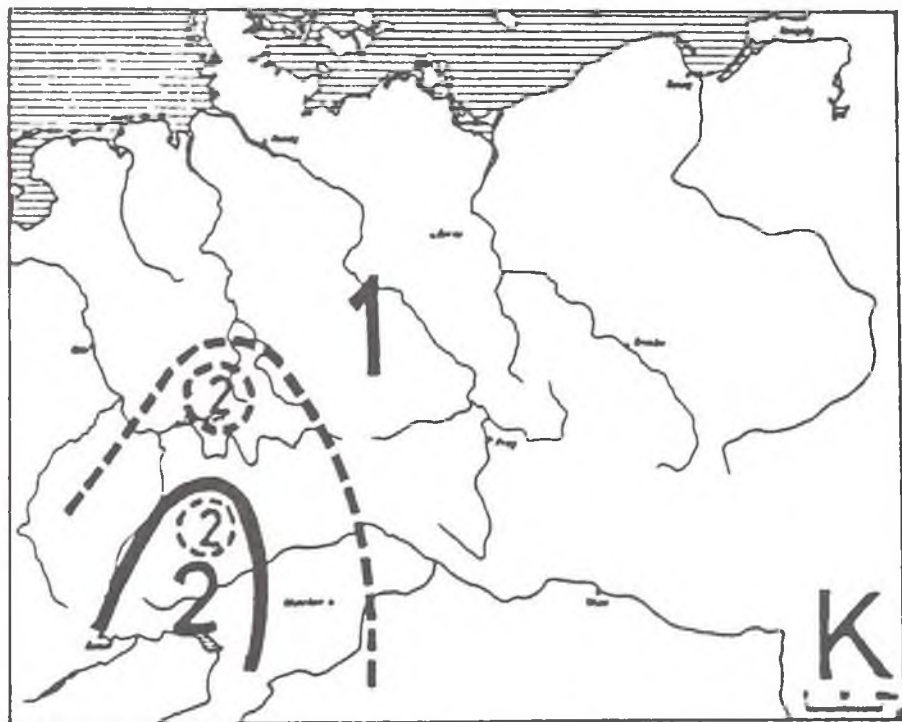


Рис. Лексические «излучения» юго-западного ареала

Библиографический список

1. Schirokauer, A. Studien zur frühneuhochdeutschen Lexikologie und zur Lexikographie des 16. Jahrhunderts / A. Schirokauer. – Heidelberg, 1987.
2. Powitz, G. Das deutsche Wörterbuch von J.L. Frisch (1741) / G. Powitz. – Berlin, 1959.
3. Müller, O.P. Deutsche Lexikographie des 16. Jahrhunderts: Konzeptionen und Funktionen frühneuzeitlicher Wörterbücher / O.P. Müller. – Tübingen, 2004.
4. Дубинин, С.И. Принципы создания первых немецких словарей и региональный лексический узус XVI века / С.И. Дубинин // Материалы международной конференции, посвященной научному наследию профессора М.Д.Степановой и его дальнейшему развитию. М.: ИЯ РАН – МГЛУ, 2001. – С. 259-267.
5. Дубинин, С.И. Возникновение первых немецких двуязычных словарей и региональный лексический узус XVI века / С.И. Дубинин // Филологическая проблематика в системе высшего образования: межвузов. сб. науч. тр. – Самара: СГАПС, 2002. – Вып. 1. – С. 16-24.